

— У тебя есть семья? — спросил А Цзю.

Тан Шаотан слегка замешкался, но А Цзю, и так зная ответ, уже продолжил за него:

— Если вдруг некуда будет идти, приходи ко мне.

Господин Жуань считал, что погладить по голове — это проявление теплоты, но не видел ничего странного в том, чтобы позвать кого-то к себе.

Тан Шаотан сузил глаза, на мгновение замер, затем, резко опустив ресницы, отвернулся от взгляда А Цзю и твёрдо произнёс:

— У меня есть куда пойти.

Павильон Радужных Одежд был его домом, его пристанищем.

А Цзю: «...»

А Цзю с неоднозначным выражением лица взгляделся в Тан Шаотана и, наконец, с безмолвным раздражением хлопнул его по плечу, соглашаясь:

— Да-да, есть у тебя куда пойти.

Но скоро этого пристанища не станет, и уничтожу его я сам, своими руками.

А Цзю убрал руку, постучал костяшками пальцев по своему каменному сердцу, подтверждая первоначальный замысел.

На реке Нинлюй плескались волны, и холод поздней зимы доносился с ветром. А Цзю почувствовал озноб, поправил воротник и плавно сменил тему:

— Ты говоришь, эти люди из Школы Бэйван?

Лицо Тан Шаотана уже успокоилось, и он ответил ровно:

— Приёмы Школы Бэйван, но не их ученики.

— Почему ты так думаешь?

— Убогая пародия. До оригинала далеко.

А Цзю усмехнулся:

— Выходит, лиц побеждённых ты не помнишь, а техники их школ различаешь влёт? Ну не досадно ли?

Тан Шаотан подумал и согласился: да, досадно. Но, бросив взгляд на самого А Цзю, решил, что тому такие слова говорить вообще-то не к лицу.

Ведь в умении досаждать другим А Цзю не было равных.

А Цзю, не подозревавший о своей победе в этом «соревновании», пожал плечами:

— Раз уж ты так говоришь, пусть будет не они.

Значит, всё-таки не Школа Бэйван.

— Мы всего два дня в уезде Ланьпин, а уже кто-то подстраивает ловушку, чтобы стравить тебя с Школой Бэйван и прикончить. Похоже, скучно мне не будет.

— Ты боишься скуки? — спросил Тан Шаотан.

Дразнить рыб в пруду — и впрямь занятие не из интересных.

А Цзю, запрокинув голову и заложив руки за шею, стоя вразвалку, ответил:

— Скуки я боюсь больше всего.

Звучало убедительно. Тан Шаотану нечего было возразить.

— Но раз кто-то хочет подставить Школу Бэйван, значит, мы тех людей отпустили правильно.

— Тот, кто подслушивал, был из Школы Бэйван?

На таком расстоянии он сам едва разглядел силуэт. Как А Цзю сумел опознать?

— Ага, та сама болтушка из Школы Бэйван, что нас наряжала.

— Как ты определил? — переспросил Тан Шаотан.

А Цзю вскинул брови, удивлённый вопросом:

— Девчачий аромат, разве я могу ошибиться?

Тан Шаотан: «...»

А Цзю, «ни за что» получивший осуждающий взгляд, лишь развёл руками: «?»

Тан Шаотан отвел взгляд, не желая продолжать пустую болтовню, и, определив направление, в котором скрылись кровавые следы у мешков с зерном, развернулся и ринулся вперёд.

Если преступник мог позволить себе устроить засаду, то, вероятно, пропавшим уже не жить.

«Нужно поторопиться», — говорил А Цзю. Он это имел в виду?

...

А Цзю смотрел на удаляющееся, почти невесомое силуэт Тан Шаотана, и улыбка медленно сползала с его лица.

— Хм, а твой запах я тоже узнаю, — пробормотал он. — Особенно после тайных встреч с людьми из Павильона Радужных Одежд.

Запах, что слung к Тан Шаотану, был вещью с красивым названием, но весьма подлой сутью.

Звался он «Воля Опавших Цветов» и был давно забытым дурманом. Рецепт его имел некоторое родство с Павильоном Ушоу.

«Опавший цветок жаждет следовать за течением, но течению нет дела до цветка». Если же цветок настойчив, то, зажигая «Волю Опавших Цветов» изо дня в день, год за годом, можно

замутить чистые воды, превратив их в грязь, и тогда воля цветка свершится.

«Воля Опавших Цветов» туманила рассудок. Тот, кто долго вдыхал этот аромат, легче поддавался внушению, и его привязанность к определённом человеку или вещи лишь росла. Эта привязанность не обязательно была любовной — это могла быть и преданность. От толики она могла превратиться в две, три, а то и в полную самоотдачу. Однако «Воля Опавших Цветов» не была сильнодействующим ядом, её действие было медленным, и без десяти лет накопления эффект едва ощущался.

Но что, если эти годы уже накопились?

А Цзю почесал нос.

Тогда результат мог быть любым.

Внутренняя травма Тан Шаотана, вероятно, была получена тогда же.

Тан Шаотан, Тан Шаотан. Ты считаешь Павильон Радужных Одежд своим домом, но твоя «семья» не считает тебя своим.

А Цзю: «...»

А Цзю задумчиво посмотрел в ту сторону, где скрылся Тан Шаотан, и на миг его мысли унеслись прочь.

Он подумал, что, возможно, был временно ослеплён красотой, иначе откуда бы взялась эта беспричинная жалость?

Тан Шаотан.

Скажи, что в будущем ранит тебя сильнее: узнать, что твоя семья из Павильона Радужных Одежд бессердечно использовала тебя, или быть обманутым и преданным А Цзю?

Основатель Школы Бэйван, желая видеть далеко, вопреки всеобщим возражениям возвёл усадьбу на самой вершине горы. В пору расцвета Школы последователи и гости со всего речного и озёрного мира толпами стекались сюда, едва не снося порог. Никакие крутые тропы и высота тогда не были помехой. Будь то ремонт или пиршество — нанимали лучших мастеров и поваров, и даже многолюдный банкет не составлял проблемы.

Ныне же всё переменялось. Школа пришла в упадок, ворота опустели, и бедность легко поставила всех в тупик. Нанять мастеров или поваров — не на что, поэтому всё приходилось делать своими силами, живя в самообеспечении. Нынешние ученики Школы Бэйван оттого и вышли такими разносторонними: и крышу починить могут, и овощи вырастить, и одежду залатать, лишь бы не спускаться в суетный мир и не тратить серебро.

Но как же можно провести церемонию омовения рук в золотом тазу для главы школы без шума, пира и расходов?

А устроить пир, принять гостей, оказать должные почести собравшимся коллегам по рекам и озёрам — на что всё это без больших трат?

Чтобы не опозорить предков, Лянь Циншаню, скрепя сердце, пришлось провести церемонию в

уезде Ланьпин. Отчасти из-за старой душевной раны — именно здесь он когда-то потерпел поражение от Вопрошающего об Именах, — а отчасти потому, что его друг Фань Цзэчэн сам предложил помощь и любезно взял на себя все расходы на еду, одежду и прочие нужды.

В основном из-за последнего.

Получив такую милость, Лянь Циншань, конечно, стеснялся обременять друга чрезмерными тратами. Поэтому после церемонии он устроил лишь скромный обед, попрощался с явившимися поздравить коллегами по рекам и озёрам, а затем вместе с учениками снял самый дешёвый номер в постоялом дворе «Цзюйлянь». Планировал он дожидаться, когда брат Фань вернётся в свою усадьбу, лично поблагодарить его, а затем, выбрав день, вернуться в горы за Павильоном Бэйван и предаться уединённой жизни.

В тот же день, после полудня, в постоялом дворе «Цзюйлянь».

— Беда, беда! — Младшая сестра-ученица Цзян Юньцюэ влетела в гостиницу, спотыкаясь на ходу. — Где старший брат? Где остальные братья? В такой критический момент все попрятались! — Увидев, что в зале холодно и пусто, она вспомнила: учитель и старшие братья, должно быть, ещё не отошли после пира на церемонии. От волнения она принялась топтать ногой.

— Младшая сестра, не волнуйся, что случилось? — Единственный трезвый второй брат, Чжан Шигэ, высунул голову из кухни, глупо улыбаясь.

Моя младшая сестричка такая милая, когда паникует и щебечет!

Цзян Юньцюэ, потерявшая голову от волнения, увидев бодрствующего товарища, ухватилась за него как за соломинку и, задыхаясь, принялась объяснять:

— Старший брат велел мне издали следить за Вопрошающим об Именах. Я видела, как они вышли из дома Фань и направились к реке Нинлюй, и пошла за ними. А потом... потом я увидела...

Чжан Шигэ протянул ей чашку чая, успокаивая:

— Младшая сестра, не торопись, выпей чаю сначала. Что ты увидела?

Цзян Юньцюэ одним глотком осушила холодный чай и с серьёзным видом заявила:

— Я видела, как кто-то, используя технику нашей Школы Бэйван, устроил засаду, чтобы убить Вопрошающего об Именах!

<http://bllate.org/book/16258/1462706>